

ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

Г.С. Рогомян

НЕДОСТУПНОЕ УБЕЖДЕНИЕ

Рогомян Гаррис Сергеевич – кандидат философских наук, доцент. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16; e-mail: rogonyan@gmail.com; web: <https://www.hse.ru/org/persons/140336>

В статье рассматриваются аргументы, выдвинутые Дональдом Дэвидсоном в защиту непосредственного знания о себе, возможность которого сегодня ставится под сомнение различными версиями современного антииндивидуализма. В частности, радикальные версии экстернализма в философии языка, философии сознания и эпистемологии либо оставляют без внимания проблему обоснования непосредственного знания о своих ментальных состояниях и значениях своих слов, либо дают неудовлетворительные объяснения этому феномену. Поэтому Дэвидсон предложил умеренную версию экстернализма в отношении такого знания. Суть его подхода заключается в том, чтобы рассматривать каузальные факторы, детерминирующие значения слов и ментальные состояния с точки зрения общедоступного intersubjectивного мира. В этом случае учитываются не только в широком смысле анонимные детерминирующие факторы социального и перцептивного порядков, но и собственная деятельность индивида и его отношения с непосредственным окружением. В результате такой умеренно экстерналистский подход к знанию о себе от первого лица удастся согласовать с тезисом о нередуцируемости ментальных состояний к словарю естественных наук. Тем не менее, для многих философов преимущества такого подхода по-прежнему остаются неочевидными, а суть предложенных аргументов не до конца понятной или даже игнорирующей поставленную проблему. Поэтому в статье предпринята попытка прояснить аргументы Дэвидсона в контексте различия между проксимальными и дистальными причинами наших убеждений, а также рассмотреть проблему непосредственного знания о себе с точки зрения дистальной теории референции.

Ключевые слова: эпистемология, семантика, ментальные состояния, радикальный экстернализм, знание от первого лица, дистальные и проксимальные причины, intersubjectивная триангуляция

Дональда Дэвидсона часто называют одним из самых систематичных философов нашего времени. Однако в силу того, что он высказывался относительно самых разных философских проблем, увидеть все это множество высказываний и идей как систематичное целое не так-то просто. Действительно,

есть мнение, что некоторые аргументы Дэвидсона из-за их чрезмерной компактности требуют, чтобы их «распаковали» с помощью дополнительных толкований. Тем не менее некоторые из них могут, по всей видимости, «распаковать» себя сами, если просто расположить их рядом – так, чтобы один из них становился более понятным в свете другого. В этом случае две, казалось бы, напрямую не связанные точки зрения относительно разных проблем сопоставляются таким образом, что одна становится понятнее в контексте другой. В данной статье предпринята попытка главным образом именно такого истолкования аргументов Дэвидсона, и прежде всего его аргументов в пользу нередуцируемости нашего знания о себе от первого лица. А проясняющим контекстом послужит его дистальная теория референции, которая получила свое воплощение в «принципе триангуляции» и может служить ключом к пониманию многих других его идей¹.

Каузальная асимметрия

Многим аргументы Дэвидсона относительно знания от первого лица кажутся либо слишком тривиальными и уклоняющимися от проблемы, либо апеллирующими как раз к тому, что они и призваны объяснить; в лучшем случае – недоработанными и требующими дальнейшей детализации, что Дэвидсон и сам нередко признавал. Действительно, на первый взгляд его ответы могут показаться обескураживающими и даже разочаровывающими своей простотой. Вкратце его аргументы относительно наших убеждений и возможности знать о них от первого лица выглядят следующим образом.

Во-первых, вопреки редукционистскому подходу убеждения и прочие ментальные состояния говорящего не являются лишь эффектом работы лингвистических и социальных норм относительно описания чьего-либо поведения. Иными словами, они не являются лишь теоретической конструкцией или инструментом предсказания. Наши желания и убеждения являются субъективными, однако не в том смысле, в каком обычно принято считать: они *внутри* нас, но не как некие сущности, а только как состояния *тела* и только в таком качестве обнаружимы для нас. Более того, каждый из нас может указывать или сообщать о них без ссылки на те объекты и события вне тела, которые и явились их причинами. На этом субъективность ментального заканчивается. В то же время ментальные состояния, не будучи некими внутренними интенциональными объектами, по-прежнему (хотя бы частично) каузально зависят от этих внешних событий и объектов.

Во-вторых, каузальная природа убеждений делает возможным и само знание о них от первого лица. Последнее не обладает каким-то особым статусом, поскольку асимметрия в доступе к такому знанию не просто подобна, а буквально тождественна различию между говорящим и его интерпретатором. Такая асимметрия является самой обычной и естественной и обходится без допущения чего-то *еще* (т. е. каких-то других эпистемологических и се-

¹ Косвенным указанием на это являются собственные слова Дэвидсона: «[К]огда я задумался о том, чтобы переписать многое из уже написанного, то понял, что должен либо оставить проделанную мной работу в ее нынешнем виде, либо начать все сначала, а на это ушли бы годы. Я утешаю себя мыслью о том, что начинать все сначала означало бы стереть историю моих попыток разобраться в том треугольнике, который состоит из личности, ее общества и общего окружения. К тому же это лишило бы моих критиков некоторых из их любимых мишеней» (*Davidson D. Introduction // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf., 2001. P. xvii*).

мантических асимметрий), благодаря чему у нас и был бы, с одной стороны, говорящий, а с другой стороны, его интерпретатор. Скорее наоборот: если и можно в данном случае говорить о чем-то еще (например, о мыслях или убеждениях, а также об асимметрии в доступе к ним от первого и третьего лица), то именно благодаря тому, что у нас изначально есть говорящий человек и другой, его интерпретирующий². Такую асимметрию можно назвать каузальной, поскольку она предполагает, что в определенной ситуации некто естественным образом оказывается говорящим (т. е. что-то *заставило* его высказаться), и по этой причине ему нет необходимости интерпретировать собственные слова. Тогда как второй человек, оказавшийся в данной ситуации слушателем, *вынужден* интерпретировать слова первого, поскольку указанная каузальная связь высказанного убеждения с ситуацией, а также с другими убеждениями говорящего для него не столь очевидна, как для первого³.

Уже в одной из ранних своих работ «Действия, основания и причины» Дэвидсон указывает на то, что каузальная зависимость ментальных состояний от внешнего мира никоим образом не угрожает нашему знанию о них от первого лица⁴. Правда, тогда он утверждал это в несколько ином контексте, возражая тем, кто в принципе признает возможность такого знания, но не считает его каузально обусловленным, поскольку разумные основания (reasons) не могут считаться *причинами* того, о чем мы можем знать от первого лица. Иными словами, кто-то мог бы возразить, что установление каузальной связи, как правило, требует индуктивного вывода на основании свидетельств, тогда как наше знание о собственных убеждениях в этом не нуждается и, следовательно, не является каузальным. В противном случае мы могли бы часто ошибаться относительно своих ментальных состояний. Ответ Дэвидсона на это заключался в том, что индукция на основе свидетельств не является единственным способом установления каузальной связи – одного случая, как сказал бы Юм, достаточно. В этом ответе уже содержался набросок того, что Дэвидсон впоследствии назовет «аномальным монизмом». Позднее, в статье о Юме Дэвидсон в ответ на это возражение сформулирует свой «принцип доверия», который появлялся в некоторых его работах⁵. Однако это касалось прежде всего интерпретатора, накладывая на его интерпретацию методологическое ограничение и заставляя ради понимания речи говорящего наделять того не только рациональностью и последовательностью, но и в целом безошибочным и непосредственным знанием о своих ментальных состояниях и их причинах. Поэтому такой ответ может показаться незавершенным, оставляя в стороне видение этой ситуации самим говорящим от первого лица. Впоследствии Дэвидсон не раз высказывался на эту тему, восполняя этот пробел и заявляя, что принять семантический и эпистемологический экстернализм еще не означает отказаться признавать возможность знания от первого лица⁶. Ключом к такому согласованию двух позиций является отказ от рассмотрения ментальных состояний в качестве психологически внутренних объектов.

² См.: Davidson D. First Person Authority // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf., 2001. P. 11–14.

³ Подробнее об этом см.: Рогозян Г.С. Асимметрия радикальной интерпретации // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 46. № 4. С. 85–104.

⁴ См.: Davidson D. Actions, Reasons, and Causes // Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxf., 1980. P. 17–18.

⁵ Davidson D. Hume's Cognitive Theory of Pride // Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxf., 1980. P. 290.

⁶ Davidson D. Introduction // Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxf., 1980. P. xiv; Davidson D. Indeterminism and Antirealism // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf., 2001. P. 69–84.

Радикальный экстернализм

Тем не менее, по собственному признанию Дэвидсона, аргументы, подобные тем, которые он использовал в пользу нередуцируемости знания от первого лица, а также против представления о ментальных состояниях как особых объектах, предстающих перед мысленным взором, были использованы некоторыми философами для опровержения знания от первого лица как такового⁷. Суть их аргументов сводится к тому, что если содержание большинства ментальных состояний каузально зависит от объектов и событий *вне* нас, а значение слов имеет свою каузальную историю (с чем Дэвидсон абсолютно согласен), то ничто не гарантирует нам того, что мы действительно знаем о содержании своего сознания и о том, что именно мы имеем в виду, когда говорим. Такой крайний антииндивидуализм отрицает не только то, что ментальные состояния являются объектами, о которых у нас есть непосредственное и исчерпывающее знание, но и саму возможность знания от первого лица. Говорящий просто не в состоянии знать всю каузальную историю используемых им слов и все внешние факторы, повлиявшие на нее. Значение его слов всецело или частично находится вне его контроля, а это означает, что он не может знать, употребляет ли он их правильно. Если значения слов только частично детерминированы каузальной историей наших взаимоотношений с окружающим миром, то тогда знать подлинное значение слов могут только те эксперты, которые разбираются в том, как и насколько мы детерминированы каузальными связями с миром (к такой элите могут принадлежать, например, ученые, но необязательно). Иными словами, значения наших слов в целом не зависят от намерений говорящих. Впрочем, все это еще не ведет к скептицизму, полагают сторонники такого крайнего экстернализма, поскольку считается, что устойчивость интерсубъективных языковых практик и конвенций позволяет избежать частых и регулярных ошибок. То же самое можно сказать и о наших ментальных состояниях при восприятии окружающего мира. В обоих случаях объективность словоупотребления и восприятия гарантирована объективностью внешней каузальной истории наших значений и ментальных состояний. Однако платить за такое уклонение от скептицизма приходится тем, что мы вынуждены вообще отказаться от понятия субъективности, а не только от ее традиционного (преимущественно картезианского) понимания. Речь, конечно, не о том, что субъект буквально не знает о своих мыслях и убеждениях, а о том, что он не знает и не может знать *в полном объеме* обо всем множестве одновременно детерминирующих его мысли факторах – как социального, так и физического окружения. Но этого в принципе достаточно, чтобы о самом субъекте говорить скорее как о результате действия анонимных сил (что чревато, помимо всего прочего, признанием каузальной инертности ментального в отношении физического).

Наиболее известные примеры такого радикального экстернализма в отношении знания и языкового значения сформулированы в мысленных экспериментах Х. Патнема и (с некоторыми оговорками) Т. Берджа⁸. Дэвид-

⁷ Davidson D. Knowing One's Own Mind // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf., 2001. P. 17.

⁸ См.: Патнем Х. Значение «значения» // Патнем Х. Философия сознания. М., 1999. С. 164–235; Burge T. Individualism and the Mental // Burge T. Foundations of Mind. Philosophical Essays. Vol. 2. Oxf., 2007. P. 100–150. Эту же точку зрения в целом разделяет и Д. Деннет: Dennett D. Beyond Belief // Dennett D. The Intentional Stance. Camb. (Mass.), 1987. P. 117–202; Dennett D. Real Patterns // Dennett D. Brainchildren: Essays on Designing Minds. Camb.

сон также сформулировал аналогичный пример того, что знание о себе и о том, что мы имеем в виду, когда говорим, во многом определяется нашей каузальной историей, и в этом пункте он согласен с ними. Однако радикализация такого подхода, считает Дэвидсон, прямо ведет к картезианскому скептицизму, но уже в отношении знания от первого лица. Действительно, в этом случае мы вынуждены признать, что при всей истинности наших убеждений относительно внешнего мира мы можем постоянно ошибаться относительно того, что думаем сами⁹. Но тогда какой смысл в том, что наши убеждения относительно мира истинны, если это не гарантирует нам никакого знания о самих себе, или, иными словами, если доступ к самим убеждениям оказывается невозможен? Очевидно, что все это прямо противоречит нашей интуиции относительно наличия у нас знания от первого лица. Однако вместо того, чтобы решать эту проблему, многие философы решили просто отрицать саму идею знания от первого лица за счет редукции к до- или надличностным факторам.

Дэвидсон принимает общие посылки такой аргументации, однако он не согласен с ее выводом. Все зависит от того, как именно мы понимаем зависимость значений и ментальных состояний от внешних факторов и каузальной истории. Разумеется, иногда мы неправильно или только частично понимаем значение используемых нами слов. Я могу путать значение слов «одесную» и «ошую», не видеть разницы между жабами и лягушками или считать, что подагра и артрит являются разными заболеваниями. Однако можно ли на основании этого выводить возможность полной ошибочности или неведения относительно собственных убеждений, которые я хотел бы выразить с помощью этих слов? Ведь если, имея в виду «слева», я ошибочно говорю «одесную», то это еще не значит, что я не знаю, что именно я имел в виду. Сторонник радикального экстернализма может возразить на это, сказав, что ошибка

(Mass.), 1998. P. 95–120. Другим наиболее известным примером семантического экстернализма является интерпретация С. Крипке размышлений Л. Витгенштейна о проблеме следования правилу.

Сразу стоит отметить, что Бердж, как и Дэвидсон, пытался согласовать свой экстернализм относительно значения слов и ментальных состояний с возможностью знания о них от первого лица, причем во многом под влиянием самого Дэвидсона, например, в своем ответе на критику со стороны последнего: *Burge T. Individualism and Self-Knowledge // Burge T. Cognition Through Understanding: Self-Knowledge, Interlocution, Reasoning, Reflection. Philosophical Essays. Vol. 3. Oxf., 2013. P. 66.* См. также: *Burge T. Mind-Body Causation and Explanatory Practice // Burge T. Foundations of Mind. Philosophical Essays. Vol. 2. Oxf., 2007. P. 351–356.* Далее последовала реакция Дэвидсона, в которой он, признавая много общего в их подходах, тем не менее указывал на то, что та версия социального экстернализма, которую развивает Бердж, скорее противоречит возможности знания от первого лица: *Davidson D. Epistemology Externalized // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf., 2001. P. 201–203.* В ответ на это Бердж только повторил свои аргументы в пользу социального антииндивидуализма (как он называет свою версию экстернализма), высказав при этом ряд критических замечаний в адрес позиции самого Дэвидсона (*Burge T. Social Anti-Individualism, Objective Reference // Burge T. Foundations of Mind. Philosophical Essays. Vol. 2. Oxf., 2007. P. 307–315.*) В данной статье нет места даже для очень краткого обзора этой дискуссии, однако она заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку наглядно показывает, как на первый взгляд небольшое отличие в акцентах может превратить две во многом схожие по намерениям позиции в диаметрально противоположные по результатам. Здесь же можно только отметить, что, несмотря на сходство этих позиций, социальный экстернализм Берджа является скорее анонимным, рассматривая «я», т. е. лингвистические и когнитивные способности индивида, как часть «мы», сообщества. Тогда как социальный экстернализм Дэвидсона является скорее персональным, рассматривая «я» как полноправного участника коммуникации с «ты», о чем подробнее будет сказано дальше.

⁹ См.: *Davidson D. Knowing One's Own Mind. P. 23.*

в данном случае является локальной, от нее немного может зависеть в плане логических связей и ее сравнительно легко обнаружить. Но что если ошибка или неправильное понимание скрыты где-то далеко в прошлом и настолько хорошо встроены в сеть логических связей, что их не так-то просто заметить? К тому же, если частичное понимание означает частичное совпадение с практикой словоупотребления окружающих меня людей на протяжении достаточно долгого времени, то мне будет казаться, что это совпадение полное и вполне адекватное.

В сложившейся ситуации нам предлагают два выхода: либо полностью редуцировать ментальное и знание о нем от первого лица как фиктивную языковую конструкцию, либо допустить иное, – в собственном смысле, или «узкое», – ментальное содержание (*narrow mental content*), которое принципиально независимо от предложений нашего языка и отличается от «широкого» ментального содержания (*wide mental content*), которое формируется социальными связями с внешним окружением¹⁰. В последнем случае мы сохраняем знание от первого лица, но только о первом типе ментального содержания. Тем не менее Дэвидсон оба решения признает неудовлетворительными: первое из них просто игнорирует проблему, тогда как второе переносит проблему на новый уровень, поскольку теперь встает вопрос о связи «узкого» и «широкого» ментального содержания, а не просто о связи ментального и внешнего окружения. Поэтому Дэвидсон предлагает свою альтернативу.

Локальные ошибки

В качестве предварительного замечания Дэвидсон указывает на то, что нам нужно учитывать, насколько существование отдельного убеждения зависит от существования других убеждений и насколько сложно его отделить от них, поскольку между ними нет четких границ. Действительно, не существует строгих правил относительно того, как приписывать убеждения себе и другим. То же самое касается и значения. Возможность ошибки в этом случае является самой обычной и локальной. Более того, мы уже всегда заранее знаем о такой возможности и готовы к ней – у нас есть опыт не только совершения такого рода ошибок, но и их исправления¹¹.

Аргументация Дэвидсона начинается с того, что в целом линия рассуждения радикальных экстерналистов основывается на одном неявном и ошибочном допущении. Суть этого допущения в том, что если мысль, или убеждение, или любое другое ментальное состояние каузально детерминированы внешними факторами, то они в силу этого, как говорит Патнем, «не находятся в голове»¹². Такой вывод ставит под сомнение тезис о тождестве ментальных и физических состояний нашего тела, причем, несмотря даже на то, что в каком-то смысле такое тождество предполагается указанной выше зависимостью от внешних факторов. В результате под сомнением оказывается и идея непосредственного знания о таких состояниях от первого лица. Для Дэвидсона этот вывод звучит абсурдно, поскольку он равносильен утвер-

¹⁰ См.: *Fodor J. Methodological Solipsism Considered as a Research Strategy in Cognitive Science // Behavioral and Brain Sciences 1980. Vol. 3. P. 63–109.* Подробнее об узком и широком ментальном содержании см. также: *Вострикова Е.В. Ментальное содержание: узкое или широкое? // Язык, знание, социум: проблемы социальной эпистемологии. М., 2007. С. 139–156.*

¹¹ См.: *Davidson D. Knowing One's Own Mind. P. 28;* а также п. 17 на той же странице.

¹² *Патнем Х. Значение «значения». С. 179.*

ждению о том, что, например, загар, причина которого находится вне тела, также находится вне тела и не является состоянием кожи¹³. Следовательно, если причина наших ментальных состояний (значений и убеждений) находится вне нашего тела, то это еще не значит, что и сами они также находятся вне нашего тела и не тождественны его физическим состояниям. Дэвидсон, разумеется, не обрывает связь между ментальным состоянием и внешним окружением - он просто делает ее пластичной: я могу говорить о шраме на моей коже или о загаре, не упоминая об их причинах (т. е. каузальном контексте). Однако я при этом не допускаю и мысли о том, что они вообще были бы возможны без них. Субъективность убеждений *в этом смысле* та же, что и, если угодно, «субъективность» загара.

Действительно, некоторые экстерналисты слишком преувеличивают зависимость субъекта от его каузальной истории и внешнего окружения, как если бы на долю самого этого субъекта как живого существа ничего не оставалось, а его физические состояния можно было бы вообще не брать в расчет. Именно в этом случае у понятия знания от первого лица просто не будет никакого применения - его не к чему будет применять. По их мнению, немислима, в частности, такая ситуация, когда два человека психологически отличались бы друг от друга, но при этом были бы физически идентичны; или, иными словами, будучи физически идентичны, подразумевали бы разные значения под одними и теми же словами¹⁴. Психологическое отличие неизбежно предполагает и физическое отличие, а оно, в свою очередь, предполагает различие каузальных историй двух индивидов. Но в таком случае понятие ментального просто оказывается лишним: всю работу могут выполнять внешние каузальные различия, их систематичность и устойчивость¹⁵. Не у дел оказывается и теория тождества ментального и физического, поскольку все еще придает какой-то смысл самому понятию ментального.

В любом случае, если я не знаю всех деталей каузального механизма и тех обстоятельств, которые привели к формированию у меня конкретных убеждений (или тех обстоятельств, при которых я выучил значения определенных слов), то, даже если у меня есть непосредственный доступ к этим значениям и убеждениям, я все равно не буду знать, с чем *на самом деле* я имею дело. В такой ситуации для меня будет отсутствовать (или будет неочевидной) связь конкретного значения или убеждения с внешними факторами каузального контекста, которые и определяют то, с чем я мог бы иметь дело в непосредственном доступе от первого лица. Например, я могу иметь дело с состоянием кожи, очень похожим на загар, но вызванным другими причинами, мне неизвестными. В таком случае я не буду знать, с чем я на самом деле имею дело, т. к. *семантическое* различие между двумя состояниями будет находиться вне моего доступа¹⁶. (В случае двух физически идентичных людей оно также не будет заметно, т. к. будет относиться к разным каузальным историям.)

¹³ См.: Davidson D. Knowing One's Own Mind. P. 31; а также: Davidson D. The Myth of the Subjective // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf., 2001. P. 84.

¹⁴ Davidson D. Knowing One's Own Mind. P. 32–33.

¹⁵ Ментальные состояния в этом случае супервентны, не по отношению к внутренним свойствам индивида, а по отношению к его физическому и социальному окружению. Однако, вопреки крайнему экстернализму Патнема и Берджа, Дэвидсон считает, что два человека вполне могут быть физически идентичны, но при этом отличаться психологически в силу различия их каузальных историй: пример Дэвидсона с «болотным человеком» (Swampman), да и примеры самих Патнема и Берджа как раз показывают, что последнее не исключает первое.

¹⁶ Ibid. P. 34.

Однако данное рассуждение повторяет прежнюю ошибку: как вообще можно что-то описывать (в том числе и в непосредственном доступе), не учитывая при этом его связь со всем остальным миром и его каузальной историей? Тем более, если речь идет о возможности установить ошибку и семантическое различие между тем, что на первый взгляд кажется идентичным¹⁷. Дело даже не в том, что эта связь и возможность ее обнаружения уже проскальзывает в словах «очень похоже на загар, но...». Просто ничто в данном случае не мешает нам эмпирически установить и в дальнейшем помнить о том, что существуют два внешне неотличимых на первый взгляд состояния, которые тем не менее могут иметь разные причины. Например, мы можем различать загар, который вызван солнцем, и золотистый цвет кожи (Дэвидсон здесь использовал неологизм *sunnishburn*), который может быть вызван не только солнцем, но который также сразу заметен. Такое сравнение Дэвидсон считал удачным еще и потому, что ментальным состоянием, как и состоянием кожи, можно обладать и без того, чтобы специально обращать на него свое внимание, т. е. чтобы специально обратив внимание – в непосредственном доступе – выносить суждение о его существовании¹⁸.

Ментальные объекты

Однако главное возражение Дэвидсона радикальному экстернализму заключается в том, что ситуация, когда мы не можем узнать, с каким именно состоянием мы имеем дело, если отсутствует знание о его каузальной истории, кажется неразрешимой для радикальных экстерналистов только потому, что они разделяют одну общую предпосылку с теми, кого критикуют, а именно: значение, пропозиция или ментальное состояние могут быть *только* неким объектом, который может быть «дан», «схвачен» или «усмотрен» внутренним взором от первого лица. Иными словами, вполне обоснованно отрицая существование таких внутренних ментальных объектов, они не предлагают никакого *другого* понимания внутренних ментальных состояний, кроме как в качестве объекта, существование которого остается только утверждать или отрицать¹⁹. Отрицание таких внутренних ментальных объектов и подталкивает к эпистемологическому выводу о невозможности непосредственного знания об этих объектах от первого лица. Данный ошибочный вывод, по мнению Дэвидсона, подкрепляется еще и тем, что из отсутствия внутренних ментальных объектов вполне обоснованно выводится и отсутствие ментального «театра», в котором эти объекты демонстрировались бы внутреннему взору. Действительно, такое представление о сознании как о ментальном «театре» создает проблемы для понятия личности: чем она в данном случае является – театром в целом или только его публикой? Иначе говоря, ментальные объекты, с одной стороны, рассматриваются личностью, а с другой,

¹⁷ Ср.: «Мое неведение о тех обстоятельствах, которые определяют то, что я имею в виду и думаю, никоим образом не означает, что я не знаю о том, что я имею в виду и думаю. Предполагать обратное значит показать, до какой степени мы зависим от идеи субъективных ментальных состояний, которые могли бы оставаться самими собой независимо от всего остального мира и его каузальной истории» (*Davidson D. The Myth of the Subjective. P. 49*).

¹⁸ *Davidson D. Knowing One's Own Mind. P. 35*.

¹⁹ Ср.: «Проблема, которая нас занимает, возникает из-за отождествления объекта, с помощью которого мы характеризуем состояние сознания, с объектом, которое сознание “знает” или к которому “имеет доступ”, т. е. с неким “объектом мысли”» (*Davidson D. What is Present to the Mind? // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf., 2001. P. 64*).

находятся внутри нее²⁰. Кажется, именно желанием избавиться от этой путаницы во многом и продиктовано решение отказаться от перспективы первого лица, объявив ее картезианской фикцией.

Дэвидсон в целом соглашается с критикой понятия ментального объекта; он также признает важную роль каузальной зависимости содержания наших мыслей и высказываний от внешних (социальных и исторических) факторов. Тем не менее он не согласен с тем, что по этой причине вообще не имеет смысла говорить о внутренних ментальных состояниях (или что физические состояния тела нельзя одновременно рассматривать как ментальные), а также о знании о них от первого лица. Более того, Дэвидсон настаивает на обратном: внешняя каузальная зависимость только и делает знание от первого лица возможным, являясь необходимой предпосылкой для него. Для того чтобы понять суть такого расхождения во взглядах, необходимо прояснить то, как Дэвидсон понимает каузальную связь наших ментальных состояний и вербальных диспозиций с объектами и событиями внешнего мира. В конечном счете расхождение именно в этом вопросе, по всей видимости, и является ключевым для понимания как общей позиции Дэвидсона в отношении знания от первого лица, так и его несогласия с радикальными экстерналистскими теориями.

Дистальная теория референции

Прежде всего, необходимо отметить, что во многом под влиянием традиционной эпистемологии и ориентации на научные методы исследования каузальную связь между убеждениями и миром принято описывать с *проксимальной* точки зрения. Иными словами, это описание с точки зрения тех механизмов, которые, как правило, недоступны для непосредственного наблюдения и находятся не на межличностном (интерсубъективном), а скорее на без- или доличностном уровне – будь то чувственные данные, поток переживаний, события в коре головного мозга и т. д. Межличностная коммуникация в этом случае выступает лишь результатом подспудной работы всех этих каузальных (в проксимальном смысле) механизмов. Дэвидсон же предлагает изменить подход на прямо противоположный – не проксимальный, а *дистальный*, т. е. ориентированный на публично наблюдаемые объекты и процессы окружающего мира²¹. Он специально подчеркивает, что каким бы ни было внутреннее устройство этого каузального механизма, главной и центральной частью всей этой истории – т. е. того, как связаны наши слова и убеждения с объектами и событиями внешнего мира, – является непосредственное взаимодействие между говорящим и интерпретатором в рамках общедоступного интерсубъективного мира. Иными словами, каким бы ни было теоретическое и научное описание деталей того механизма, «который выстраивает каузаль-

²⁰ Davidson D. *Knowing One's Own Mind*. P. 34.

²¹ См.: Davidson D. *Meaning, Truth, and Evidence // Davidson D. Truth, History, and Language*. Oxf., 2005. P. 54. Дэвидсон стал называть свой подход к значению и убеждению дистальным с начала 1980-х гг. – тогда же, когда он начал использовать понятие триангуляции; хотя впоследствии он подчеркивал, что всегда придерживался этого подхода, поскольку «в течение почти тридцати лет настаивал на том, что содержание наших наиболее ранних и наиболее базовых предложений (“Мама”, “Собачка”, “Красный”, “Огонь”, “Гавагай”) определяется в этом мире тем, что заставляет нас утверждать их в качестве истинных. Именно здесь, как я долго объяснял, устанавливается связь между языком и миром, а также устанавливаются центральные ограничения на значение» (Davidson D. *Epistemology Externalized*. P. 200).

ную цепочку от говорящего к говорящему и от предмета речи к говорящему», сами по себе они не играют никакой роли в том, как мы усваиваем значения наших слов²². Действительно, изначально схватывание значений слов определяется не теми процессами, которые протекают в коре головного мозга и органах восприятия, а их *конечными* результатами – и ими же оно проверяется и подтверждается: «слова и предложения получают свое значение от тех объектов и обстоятельств, в присутствии которых им обучаются»²³. Именно поэтому, отмечает Дэвидсон, двум говорящим для того, чтобы иметь в виду одно и то же, достаточно иметь общую предрасположенность к соответствующему вербальному поведению в схожих обстоятельствах, даже если они при этом не только физически отличаются друг от друга, но и устроены по-разному. И наоборот, они могут иметь в виду разные вещи, произнося одни и те же слова в одних и тех же обстоятельствах, будучи при этом физически идентичными, но имея совершенно разные каузальные истории усвоения этих слов. А различие каузальных условий зависит от разницы в тех публично наблюдаемых обстоятельствах, при которых они обучались значению этих слов. Иными словами, подлинными причинами наших значений и убеждений являются дистальными в том смысле, что это доступные для восприятия любого человека события, ситуации и объекты внешнего мира, а не феноменальные качества, чувственные данные, ощущения, сенсорные стимулы и т. д. Последние, конечно, являются каузальными посредниками между нами и миром, однако не имеют при этом никакого семантического и эпистемологического значения, поскольку являются только *частью* сложного каузального процесса. Не в реакции на них и не в апелляции к ним мы усваиваем значения слов (разве что только в обычном смысле, когда учим значения слов «сладкий», «жжет», «согревает» и т. д.)²⁴. Поэтому прежде всего «дистальные стимулы имеют значение для интерпретации»²⁵.

С самого своего рождения мы наблюдаем реакцию окружающих нас людей именно на дистальные объекты и именно по такой реакции в тех или иных обстоятельствах заучиваем значения слов: мы реагируем на объекты и на то, как на них реагируют другие люди; мы также реагируем на то, как эти люди реагируют на наши реакции – как в отношении тех же самых объектов, так и в отношении наших реакций на их собственные реакции. И в дальнейшем наша собственная речь и интерпретация чужой речи будут протекать в рамках этого дистального треугольника: говорящий, интерпретатор и разделяемый ими внешний интересубъективный мир. Более того, такой треугольник формирует не только значение наших слов и то, что мы имеем в виду (наши мысли), но и само понятие объективной истины, поскольку, опять же, только наблюдая чужие реакции на общедоступные события и объекты, а также чужие реакции на то, как мы реагируем на те же самые события и

²² Davidson D. The Myth of the Subjective. P. 44.

²³ Ibid.

²⁴ Здесь можно добавить, что именно тождество воспринимаемых дистальных объектов отвечает за тождество значения и референции наших слов, как, например, в случае слова «вода», а вовсе не микроструктура воды (H₂O), как полагал Патнем в своем мысленном эксперименте с Двойником Земли (см.: Davidson D. Epistemology Externalized. 2001. P. 198): сходство микроструктуры в данном случае не является тем релевантным сходством, которое помогает нам усваивать значения слов. Дэвидсон однажды заметил, но уже относительно теории истины и референции: «Мы объясняем макроскопические феномены, постулируя ненаблюдаемую микроструктуру. Но проверяются теории на макроскопическом уровне» (Дэвидсон Д. Реальность без референции // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М., 2003. С. 309).

²⁵ Davidson D. Truth and Predication. Camb. (Mass.), 2005. P. 64.

объекты, мы можем установить не только то, как надо правильно реагировать на них, но и то, что возможна принципиальная разница между тем, как *мы* воспринимаем мир, и тем, какой он есть на самом деле.

В принципе, противопоставление проксимального и дистального подходов к решению проблем эпистемологии и философии языка может, как было сказано, служить ключом к пониманию того вклада, который Дэвидсон сделал в эту область философского исследования. Поэтому в качестве показательного примера и одновременно довода в пользу выбора дистальной точки зрения на каузальную связь значений и убеждений с миром можно обратиться к тому, как Дэвидсон сравнивает эту точку зрения с проксимальной теорией наиболее близкого ему философа – У.В.О. Куайна. Дэвидсон, в частности, пишет:

Если проблема, которую я вижу в проксимальной теории, слишком похожа на устаревший скептицизм относительно чувств, то это и не удивительно. Несмотря на отказ от чувственных данных и редукцию теоретических терминов к терминам наблюдения, проксимальный подход Куайна к значению и свидетельству (*evidence*) ведет к скептицизму настолько же, насколько и старые теории. Суть в том, что скептицизм основывается не на допущении чувственных данных или редукционизма, а на более общей идее о том, что эмпирическое знание требует сделать эпистемологический шаг от мира, каким мы его знаем, к нашей *концепции* (выделено мной. – Г.Р.) о нем – именно эта идея лежит в основе проксимальной теории Куайна. <...> Противопоставление проксимального и дистального подходов к значению можно рассматривать как противопоставление теории значения, которая делает акцент на свидетельстве, и теории, которая делает акцент на истине. И хотя Куайн... не отождествляет свидетельства и сенсорные стимулы, он, однако, видит роль сенсорных стимулов при определении стимульного значения в том, чтобы связать значение и свидетельство; тогда как дистальная теория связывает значение непосредственно с теми условиями, которые делают предложения интересубъективно истинными или ложными. <...> Каузальные отношения между миром и нашими убеждениями играют важную роль для значения не потому, что они предоставляют особого рода свидетельства для говорящего, который обладает этими убеждениями, а потому, что они, как правило, очевидны для других и, соответственно, формируют основу для коммуникации²⁶.

Поэтому Дэвидсон предостерегает от того, чтобы основывать теорию значения и эпистемологию на той или иной разновидности свидетельств, играющих в коммуникации скорее вспомогательную роль. Именно такая идея свидетельств и требует от нас эпистемологического шага к миру, предполагая тем самым некий зазор между нами и миром. В результате мы получим «истину, релятивизированную до уровня индивидов, и скептицизм». Поэтому все «[п]роксимальные теории, неважно в каком обличье, являются картезианскими по своему духу и последствиям»²⁷.

В свою очередь,

дистальная теория значения лишает органы восприятия и их... проявления (такие, как ощущения и сенсорную стимуляцию) центральной теоретической значимости для знания и значения. <...> Признав это, мы отрицаем не то, что ощущения играют каузальную роль, а только определенное эпистемологическое видение этой роли. Дистальная теория настолько же каузальна и находится в соответствии с результатами науки, насколько и

²⁶ Davidson D. Meaning, Truth, and Evidence. P. 56–59.

²⁷ Ibid.

проксимальная. Различие между ними заключается в выборе подходящего местоположения для релевантных каузальных факторов и в выборе эпистемологической установки.

<...> Все упоминания сенсорных стимулов или других каузальных посредников могут быть отброшены без какого-либо ущерба для теории значения или объяснения свидетельств и знания²⁸.

Действительно, если обстоятельства, при которых я выучил значения слов, не имеют никакого отношения к тому, что я имею в виду и думаю, то тем самым обрывается интересубъективная связь между истиной и значением (а также содержанием моих убеждений). Именно поэтому, как полагает скептик, мир может оказаться совершенно иным, не таким, каким он предстает в моих мыслях и словах. Значение тогда окажется *внутри* говорящего, а истина *вовне* в окружающем мире. Дэвидсон же выносит значение *вовне*, помещая его на один уровень с истиной – на уровень интересубъективных дистальных стимулов, лишая тем самым «внутреннее» его прежнего статуса – субъективного хранилища ментальных объектов и значений. Как отмечают многие комментаторы, Дэвидсон просто не разводит наше знание о значении слова и наше знание о референции этого слова, как это происходит в каузальных теориях референции²⁹.

Иными словами, дистальные объекты и события можно сколько угодно описывать с точки зрения проксимальных каузальных процессов (подобно проксимальной начинке для дистальной оболочки), однако первые не сводятся к последним в том смысле, что *такое* «внутреннее» не играет для нас (как говорящих и интерпретирующих) никакой семантической и эпистемологической роли³⁰. Все проксимальные теории и описания вводятся *намного позднее*, т. е. после того, как мы уже усвоили значения наших слов. Проксимальные теории психологически «внутреннего» в этом смысле ничем не отличаются от прочих научных теорий, если, конечно, они при этом не претендуют на описание этого «внутреннего» как семантически и эпистемологически значимого для нас.

Релевантность причин

Однако здесь возникает следующая проблема: что именно можно считать дистальной причиной в каузальном ряду посредников между говорящим и миром? Действительно, такая каузальная связь с миром представляет собой цепь, состоящую из бесконечного множества самых разных факторов. На проксимальном конце этой цепи могут быть нейроны головного мозга, затем сетчатка глаза, отраженный свет, отражающие поверхности предметов, материал, из которых они состоят, причины их существования и происходящих с ними изменений, причины этих причин и так далее до бесконечности. Где в этом бесконечном ряду находится *релевантная* дистальная причина, причем релевантная как для говорящего, так и для интерпретатора? Не установив ее,

²⁸ Davidson D. Meaning, Truth, and Evidence. P. 59–60. Характерно в этом контексте и то замечание, которое Дэвидсон однажды высказал Куайну, а именно, что его «Слово и объект» можно было бы переписать, ни разу не упомянув стимульное значение, на котором и основана проксимальная точка зрения Куайна. См.: Quine W.V. Quine in Dialogue. Harvard, 2008. P. 155.

²⁹ О различии между Дэвидсоном и Куайном в этом вопросе см. также: Davidson D. A Coherence Theory of Truth and Knowledge // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf., 2001. P. 151. Там же о различии между каузальной теорией значения и каузальной теорией референции см. п. 7.

³⁰ Davidson D. The Myth of the Subjective. P. 45.

мы просто не будем знать (в том числе и от первого лица), о чем именно идет речь и на что именно реагирует каждый из участников коммуникации. Более того, понятие причины, как отмечает Дэвидсон, оказывается в данном случае не просто двусмысленным и неопределенным, а дважды неопределенным – как в отношении объема, так и в отношении дистанции³¹. В первом случае мы имеем дело с множеством одновременно задействованных факторов. Поэтому каждый раз мы вынуждены решать, какой объем этого множества является существенным и релевантным для понимания. Во втором случае мы имеем дело с потенциальной бесконечностью каузальной цепи, тянущейся, по меньшей мере, до возникновения мира как такового. Причем в обоих случаях решение относительно релевантности причины должно быть *характерным* и типичным для множества повторяющихся ситуаций.

Понятно, что теория проксимальных причин в данном случае не может преодолеть такую двусмысленность в отношении релевантности, поскольку эти причины доступны только одному участнику коммуникации или каждому из них по отдельности. Тогда как решение Дэвидсона заключается в том, что эта двусмысленность преодолевается той дистальной причиной, которая, во-первых, *одновременно* доступна участникам коммуникации и, во-вторых, является *ближайшей* для них в ряду прочих дистальных причин. Отсюда следует, что правильно установить причину, а также содержание наших слов и убеждений можно только в условиях социального взаимодействия. Действительно, с одной стороны, ближайшая и одновременно доступная обоим участникам коммуникации причина устанавливается сходством их реакций на один из дистальных объектов среди множества других в данной ситуации, либо на один и тот же объект, но уже в разных ситуациях³². Это и есть интересубъективная триангуляция, которая помогает установить предмет их разговора. Если же, с другой стороны, мы будем опираться на собственное убеждение и события окружающего мира, а также смотреть на то, как на них реагирует другой человек, то мы можем установить содержание уже *его* убеждений. Наконец, уже само формирование *наших* собственных убеждений во многом зависит от тех же самых объектов и событий окружающего мира и от того, как на них реагирует другой человек, выражая свои убеждения. Такая одновременная триангуляция сразу в трех направлениях говорит в пользу тезиса о несводимости мышления и речи друг к другу³³.

Дистальное следствие

Теперь осталось только выяснить, каким образом все вышесказанное говорит в пользу того, что внешняя детерминация значений и убеждений субъекта не только не препятствует знанию о них от первого лица, но и в принципе делает это знание возможным. Прежде всего, мы можем спроецировать

³¹ Davidson D. The Emergence of Thought. P. 129.

³² См.: Davidson D. Meaning, Truth, and Evidence. P. 60–61. Ср.: «Вербальные реакции интерпретатора объединяют вместе и отождествляют те же самые объекты и события, которые объединяют вместе вербальные реакции говорящего. А если интерпретатор объединит вместе также и вербальные реакции говорящего, то он может соотнести между собой элементы каждого из этих двух классов – те вербальные реакции говорящего, которые он считает похожими, и те дистальные объекты, которые он считает похожими. Относительно последних у него есть свои собственные вербальные реакции, которые и выступают переводом или интерпретацией слов говорящего. Так общая причина становится общей темой для говорящего и интерпретатора» (ibid.).

³³ Дэвидсон Д. Мышление и речь // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М., 2003. С. 221–243.

описанный способ установления дистальных причин на ситуацию обучения родному языку. Очевидно, что именно такая триангуляция и социальный характер дистальных причин помогают начинающему говорить ребенку понимать и, соответственно, знать, *что* именно он имеет в виду, когда говорит, и *о чем* именно он думает и *какие* именно убеждения имеет. Но как это происходит? Возможно, здесь все-таки придется отчасти развить аргументацию Дэвидсона, предложив ее «дополнительное истолкование».

Прежде всего, на основании аргументов Дэвидсона можно предположить, что знание от первого лица и асимметрию в доступе к убеждениям говорящего надо рассматривать с точки зрения и в контексте дистальных, а не проксимальных причин³⁴. Объектом знания от первого лица является именно дистальный, а не проксимальный объект, поскольку мы идентифицируем убеждения и прочие ментальные состояния (в дистальном треугольнике) так же, как и объекты внешнего мира, т. е. с помощью предложений. Однако речь в данном случае идет о том, что убеждение относительно какого-либо события или положения дел в мире (и вообще все ментальные состояния) является, если угодно, дистальным (т. е. интерсубъективно доступным) *следствием* дистальной причины: оно воплощается в том состоянии, в котором находится субъект, а также в непосредственно наблюдаемом для интерпретатора поведении, в том числе и вербальном. Никакого иного доступа, кроме дистального, к следствиям и причинам у нас *в данном случае* нет. А это означает, что и знание от первого лица как доступ к собственным убеждениям является дистальным – подобно доступу к собственному загару. Наконец, поскольку дистальным следствием является то, что происходит со мной (наличие у меня загара, убеждений, мыслей, желаний и т. д.), то именно у меня есть к нему непосредственный доступ от первого лица. Или, если угодно, поскольку я сам как таковой являюсь этим дистальным следствием, а не потому, что, как полагал Райл, я лучше других расположен для наблюдения за собственным поведением. Все это и объясняет асимметрию в доступе к собственным ментальным состояниям, но снова – с дистальной точки зрения³⁵.

Естественная установка

В заключение можно отметить, что такую установку на социальную (точнее, межличностную) триангуляцию дистальных причин можно было бы назвать – по аналогии с «естественной онтологической установкой» А. Файна – естественной антропологической установкой³⁶. Действительно,

³⁴ Ср.: «Тот факт, что состояния сознания, в том числе и то, что подразумевает говорящий, определяются каузальными отношениями с объектами и событиями внешнего мира, является существенным для возможности коммуникации, и именно этот факт делает одно сознание в принципе доступным другому. Однако этот публичный и интерактивный аспект сознания ни в коей мере не преуменьшает значимость знания от первого лица... мысль необходимо является частью общего публичного мира. Другие не только могут часто узнать, о чем мы думаем, заметив те каузальные зависимости, которые придают нашим мыслям их содержание, но и сама возможность мышления требует общих стандартов истины и объективности» (*Davidson D. The Myth of the Subjective. P. 52*).

³⁵ Стоит отметить, что Дэвидсон однажды уже использовал этот контекст для прояснения своей точки зрения относительно знания от первого лица, однако в достаточно сжатом виде: *Davidson D. Epistemology Externalized. P. 202–204*.

³⁶ Тем более что и Файн, и Дэвидсон сами указывали на сходство своих взглядов относительно истины и бессмысленности противостояния между реализмом и анти-реализмом, только у одного – в философии науки, а у другого – в философии языка и эпистемологии. См.: *Davidson D. Truth and Predication. P. 42; Fine A. Shaky Game: Einstein, Realism, and the Quantum Theory. Chicago; L., 1986. P. 133, n. 153*.

суть такой установки, как мы видели, заключается в акценте на конкретном говорящем человеке, а не на абстрактном представлении о языке как системе или социальных нормах и конвенциях. Однако в отличие от Файна, отклонившего любую связь с «естественной установкой» феноменологии Гуссерля, мы, наоборот, можем воспользоваться этой аналогией. Только в данном случае «естественная установка» перестает быть наивным и нереплексивным взглядом на мир с характерной для такого взгляда инертностью в отношении объективного существования вещей и становится методологической установкой. Суть той редукции, которую предполагает такая установка, заключается в том, чтобы вынести за скобки не интересубъективно данный мир вещей и событий, воздерживаясь от суждения о его существовании, а теоретические и проксимальные описания способов его восприятия, схватывания и конституирования. Иными словами, речь о всех тех философских теориях, которые стремятся редуцировать этот мир в ту или иную сторону – к тому, что *по-настоящему* доступно только от первого лица (переживания, ощущения, феноменальные качества и т. д.) или только от третьего лица (нейроны, сенсорные стимулы, поведение и т. д.)³⁷. Нередуцируемым оказывается сам этот треугольник «говорящий – интерпретатор – мир», но при этом редуцируется все то, что стремится нарушить его баланс. Поэтому данная установка – это не столько призыв ограничиться только «народной» психологией, сколько всего-навсего отказ от такой научной психологии, которая стремилась бы поглотить «народную», или, если угодно, не быть «одного роста» с человеком.

Наконец, первичными феноменами, которые находятся в фокусе внимания этой естественной антропологической установки, являются прежде всего высказывания – как о мире, так и о самих высказываниях. Однако речь здесь опять же идет не о редукции к языковой деятельности: высказывания, будучи событиями наряду с другими событиями мира, с необходимостью предполагают не только высказанные предложения, но и говорящего субъекта, его состояния и намерения, причем в определенном месте и в определенное время, т. е. весь этот комплекс в целом. И, как уже было сказано выше, эти составляющие высказывания не должны быть сводимы друг к другу, хотя, разумеется, само высказывание может быть описано как с точки зрения синтаксиса или процессов в коре головного мозга, так и с точки зрения субъективных намерений говорящего. Но главный метод исследования этих интересубъективных феноменов – это метод установления истины наших высказываний, который и должен учитывать все эти составляющие вместе³⁸.

Список литературы

Вострикова Е.В. Ментальное содержание: узкое или широкое? // Язык, знание, социум: проблемы социальной эпистемологии / Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИФ РАН, 2007. С. 139–156.

Дэвидсон Д. Мышление и речь // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация / Пер. с англ. А.А. Веретенникова, Т.А. Дмитриева, М.А. Дмитриевской и др. М.: Праксис, 2003. С. 221–243.

³⁷ В принципе, это похоже на то, как Файн предлагает избавиться от философских теорий реализма и антиреализма при описании научного знания.

³⁸ Хочу поблагодарить участников семинара “Mind-Body Problem” (Институт философии СПбГУ) за ценные замечания и критику чернового варианта статьи. В частности, А. Пономарева, Д. Разеева, М. Секацкую, Д. Тискина, К. Фролова и Д. Чирву.

Дэвидсон Д. Реальность без референции // *Дэвидсон Д.* Истина и интерпретация / Пер. с англ. А.А. Верегенникова, Т.А. Дмитриева, М.А. Дмитровской и др. М.: Праксис, 2003. С. 300–314.

Патнем Х. Значение «значения» // *Патнем Х.* Философия сознания / Пер. с англ. Л.Б. Макеева, О.А. Назарова, А.Л. Никифорова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 164–235.

Рогоян Г.С. Асимметрия радикальной интерпретации // *Epistemology & Philosophy of Science* / Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 46. № 4. С. 85–104.

Burge T. Individualism and the Mental // *Burge T.* Foundations of Mind. Philosophical Essays. Vol. 2. Oxf.: Oxford University Press, 2007. P. 100–150.

Burge T. Individualism and Self-Knowledge // *Burge T.* Cognition Through Understanding: Self-Knowledge, Interlocution, Reasoning, Reflection. Philosophical Essays. Vol. 3. Oxf.: Oxford University Press, 2013. P. 55–67.

Burge T. Mind-Body Causation and Explanatory Practice // *Burge T.* Foundations of Mind. Philosophical Essays. Vol. 2. Oxf.: Oxford University Press, 2007. P. 344–382.

Burge T. Social Anti-Individualism, Objective Reference // *Burge T.* Foundations of Mind. Philosophical Essays. Vol. 2. Oxf.: Oxford University Press, 2007. P. 307–315.

Davidson D. Actions, Reasons, and Causes // *Davidson D.* Essays on Actions and Events. Oxf.: Oxford University Press, 1980. P. 3–20.

Davidson D. Indeterminism and Antirealism // *Davidson D.* Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf.: Clarendon Press, 2001. P. 69–84.

Davidson D. A Coherence Theory of Truth and Knowledge // *Davidson D.* Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf.: Clarendon Press, 2001. P. 137–157.

Davidson D. Epistemology Externalized // *Davidson D.* Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf.: Clarendon Press, 2001. P. 193–204.

Davidson D. Externalisms // *Interpreting Davidson* / Ed. by P. Kotatko, P. Pagin, and G. Segal. Stanford: CSLI, 2001. P. 1–16.

Davidson D. First Person Authority // *Davidson D.* Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf.: Clarendon Press, 2001. P. 3–14.

Davidson D. Hume's Cognitive Theory of Pride // *Davidson D.* Essays on Actions and Events. Oxf.: Oxford University Press, 1980. P. 277–290.

Davidson D. Knowing One's Own Mind // *Davidson D.* Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf.: Clarendon Press, 2001. P. 15–38.

Davidson D. The Emergence of Thought // *Davidson D.* Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf.: Clarendon Press, 2001. P. 123–134.

Davidson D. The Myth of the Subjective // *Davidson D.* Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf.: Clarendon Press, 2001. P. 39–52.

Davidson D. Meaning, Truth, and Evidence // *Davidson D.* Truth, History, and Language. Oxf.: Oxford University Press, 2005. P. 47–62.

Davidson D. Truth and Predication. Camb. (Mass.): The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. X, 180 p.

Davidson D. What is Present to the Mind? // *Davidson D.* Subjective, Intersubjective, Objective. Oxf.: Clarendon Press, 2001. P. 53–68.

Dennett D. Beyond Belief // *Dennett D.* The Intentional Stance. Camb. (Mass.): MIT Press, 1987. P. 117–202.

Dennett D. Real Patterns // *Dennett D.* Brainchildren: Essays on Designing Minds. Camb. (Mass.): MIT Press, 1998. P. 95–120.

Fine A. Shaky Game: Einstein, Realism, and the Quantum Theory. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1986. xi, 186 p.

Fodor J. Methodological Solipsism Considered as a Research Strategy in Cognitive Science // *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3. P. 63–109.

Lewis D. Attitudes *De Dicto* and *De Se* // *Lewis D.* Philosophical Papers. Vol. 1. Oxf.: Oxford University Press, 1983. P. 133–159.

Quine W.V. Quine in Dialogue / Ed. by D. Føllesdal and D.B. Quine. Harvard: Harvard University Press, 2008. 392 p.

Sellars W. Empiricism and the Philosophy of Mind // *Sellars W.* Science, Perception, and Reality. N. Y.: The Humanities Press, 1963. P. 127–196.

The inaccessible belief

Garris S. Rogonyan

National Research University Higher School of Economics. 16 Soyuz Pechatnikov Str., Saint-Petersburg, 190008, Russian Federation; e-mail: rogonyan@gmail.com; web: <https://www.hse.ru/org/persons/140336>

This paper examines the arguments put forward by Donald Davidson in defense of first person authority, the very possibility of which is being questioned in different variants of modern anti-individualism. In particular, radical versions of externalism in the philosophy of language, philosophy of mind and epistemology either ignore the problem of justifying direct knowledge of our mental states and the meanings of our words, or give unsatisfactory explanations for this phenomenon. In relation to such kind of knowledge, Davidson proposes a moderate version of externalism. In his famous article on that question he argues that one can reconcile the externalist approach to knowledge and meaning with the idea of irreducibility of mental states and first-person perspective to the vocabulary of natural sciences. The main point of his method is to consider causal factors that determine the meanings of words and mental states primarily from the perspective of a publicly accessible intersubjective world. In this case, not only anonymous determinants of social and perceptual orders are taken into account, but also the individual's own activity and his / her relationships with the immediate environment. As a result, such moderate externalist approach to first-person authority can be shown to be reconcilable with the idea of non-reducibility of mental states and our direct knowledge of these states to the vocabulary of natural sciences. This notwithstanding, for many philosophers the advantages of Davidson's position still remain unobvious, to the extent that some of his arguments have never been properly assessed or even have been declared unpertaining to the problem they profess to solve. The aim of the present author is, therefore, to clarify and explain Davidson's reasoning, making due account of the difference between proximal and distal causes of our beliefs, and to consider the problem of our immediate knowledge about ourselves from the perspective of distal theory of reference.

Keywords: epistemology, semantics, mental states, radical externalism, first person authority, distal and proximal causes, intersubjective triangulation

References

- Burge, T. "Individualism and the Mental", in: T. Burge, *Foundations of Mind. Philosophical Essays*, Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2007, pp. 100–150.
- Burge, T. "Individualism and Self-Knowledge", in: T. Burge, *Cognition Through Understanding: Self-Knowledge, Interlocution, Reasoning, Reflection. Philosophical Essays*, Vol. 3. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 55–67.
- Burge, T. "Mind-Body Causation and Explanatory Practice", in: T. Burge, *Foundations of Mind. Philosophical Essays*, Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2007, pp. 344–382.
- Burge, T. "Social Anti-Individualism, Objective Reference", in: T. Burge, *Foundations of Mind. Philosophical Essays*, Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2007, pp. 307–315.
- Davidson, D. "Actions, Reasons, and Causes", in: D. Davidson, *Essays on Actions and Events*. Oxford: Oxford University Press, 1980, pp. 3–20.
- Davidson, D. "Indeterminism and Antirealism", in: D. Davidson, *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press, 2001, pp. 69–84.
- Davidson, D. "A Coherence Theory of Truth and Knowledge", in: D. Davidson, *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press, 2001, pp. 137–157.
- Davidson, D. "Epistemology Externalized", in: D. Davidson, *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press, 2001, pp. 193–204.
- Davidson, D. "Externalisms", *Interpreting Davidson*, ed. by P. Kotatko, P. Pagin, and G. Segal. Stanford: CSLI, 2001, pp. 1–16.

Davidson, D. "First Person Authority", in: D. Davidson, *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press, 2001, pp. 3–14.

Davidson, D. "Hume's Cognitive Theory of Pride", in: D. Davidson, *Essays on Actions and Events*. Oxford: Oxford University Press, 1980, pp. 277–290.

Davidson, D. "Knowing One's Own Mind", in: D. Davidson, *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press, 2001, pp. 15–38.

Davidson, D. "The Emergence of Thought", in: D. Davidson, *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press, 2001, pp. 123–134.

Davidson, D. "The Myth of the Subjective", in: D. Davidson, *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press, 2001, pp. 39–52.

Davidson, D. "Meaning, Truth, and Evidence", in: D. Davidson, *Truth, History, and Language*. Oxford: Oxford University Press, 2005, pp. 47–62.

Davidson, D. *Truth and Predication*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. x, 180 pp.

Davidson, D. "What is Present to the Mind?", in: D. Davidson, *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press, 2001, pp. 53–68.

Devidson, D. "Myshleniye i rech" [Thought and Talk], in: D. Devidson, *Istina i Interpretatsiya* [Inquiries into Truth and Interpretation], trans. by A.A. Veretennikov, T.A. Dmitriev, M.A. Dmitrovskaya et al. Moscow: Praxis Publ., 2003, pp. 221–243. (In Russian)

Devidson, D. "Realnost bez referentsii" [Reality without Reference], in: D. Devidson, *Istina i Interpretatsiya* [Inquiries into Truth and Interpretation], trans. by A.A. Veretennikov, T.A. Dmitriev, M.A. Dmitrovskaya et al. Moscow: Praxis Publ., 2003, pp. 300–314. (In Russian)

Dennett, D. "Beyond Belief", in: D. Dennett, *The Intentional Stance*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987, pp. 117–202.

Dennett, D. "Real Patterns", in: D. Dennett, *Brainchildren: Essays on Designing Minds*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998, pp. 95–120.

Fine, A. *Shaky Game: Einstein, Realism, and the Quantum Theory*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1986. xi, 186 pp.

Fodor, J. "Methodological Solipsism Considered as a Research Strategy in Cognitive Science", *Behavioral and Brain Sciences*, 1980, Vol. 3, pp. 63–109.

Lewis, D. "Attitudes *De Dicto* and *De Se*", in: D. Lewis, *Philosophical Papers*, Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 1983, pp. 133–159.

Quine, W.V. *Quine in Dialogue*, ed. by D. Føllesdal and D.B. Quine. Harvard: Harvard University Press, 2008. 392 pp.

Patnem, H. "Znachenije 'znacheniya'" [Meaning of 'Meaning'], in: H. Patnem, *Filosofiya soznaniya* [Mind, Language, and Reality. Philosophical Papers], Vol. 2. Moscow: Dom Intellektualnoy Knigi Publ., 1999, pp. 164–235. (In Russian)

Sellars, W. "Empiricism and the Philosophy of Mind", in: W. Sellars, *Science, Perception, and Reality*. New York: The Humanities Press, 1963, pp. 127–196.

Rogonyan, G.S. "Asimetriya radikalnoi interpretatsii" [Asymmetry of Radical Interpretation], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2015, Vol. 46, No. 4, pp. 85–104. (In Russian)

Vostrikova, E.V. "Mentalnoe sodержanie: uzko ili shirokoe?" [Mental content: narrow or wide?], *Yazyk, znanie, sotsium: problemy sotsialnoy epistemologii* [Language, Knowledge, Socium: problems of social epistemology], ed. by I.T. Kasavin. Moscow: IPh RAS Publ., 2007, pp. 139–156. (In Russian)